

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

.....

А. В. Егунов*

За последние десять лет ислам превратился в эффективный инструмент в геополитических и политических играх элит в России и Средней Азии. События, происходящие в последние годы в Центральной Азии и на Северном Кавказе, ставят ряд вопросов. Обусловлено ли появление исламских радикалов в этих регионах самим ходом событий или они, как утверждают политики, были экспортированы из-за рубежа? В какой мере исламский радикализм является внутренней проблемой данных стран, а в какой он привнесен извне международными террористами? Появятся ли на картах исламские государства, построение которых провозгласили своей целью радикальные исламские группировки? Только ответив на поставленные вопросы, можно в какой-то мере выявить особенности исламского радикализма на постсоветском пространстве.

В Средней Азии и на Северном Кавказе процесс политизации начинался почти одинаково – с появления так называемых просветителей. В Таджикистане самый известный из просветителей – Саид Абдулло Нури, подпольный чтец Корана, религиозный диссидент [9]. В Дагестане такую же известность в те годы получил Багауддин Мухаммад, впоследствии ставший идеологом ваххабитов на Северном Кавказе. В начале 1990-х гг. в Дагестане развернулась религиозная дискуссия между сторонниками традиционного в республике суфийского направления ислама, которых называют традиционалистами, и теми, кто начал подвергать ревизии это направление. Никто из политиков в Дагестане, а тем более в Москве не придавал особого значения религиозным спорам. Но именно тогда в этой республике закладывалась идеология движения, которое впоследствии было названо ваххабизмом. Багауддин и его малочисленные в то время сторонники выступали с ревизией суфизма, культа почитания предков. В Дагестане, как и на всем Северном Кавказе, большинство мусульман относится

* Егунов Александр Викторович – преподаватель кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: san77@mail.ru.

к шафиитам*, а ваххабитов российские исламоведы относят к салафитам** [2; 3; 15]. Оппонентом Багауддина выступал шейх А. Таммим – глава Духовного управления мусульман Украины, араб по национальности (последнее обстоятельство прибавляло ему авторитета в глазах дагестанцев, большинство которых не знает арабского языка).

Религия оказалась тесно переплетена с политикой и деятельностью уголовного характера. При исследовании конфликтов, в которых задействованы исламские радикалы, подчас трудно разглядеть черту, отделяющую, к примеру, идеологию так называемых ваххабитов от уголовных преступлений, связанных с участием в незаконных вооруженных формированиях, похищениях людей или незаконном обороте наркотиков.

На данном этапе необходимо выявить предпосылки проявлений исламского радикализма в Центральной Азии и на Северном Кавказе – самые конфликтные регионы на постсоветском пространстве. Объясняется это тем, что помимо факторов напряжённости, характерных для всего СНГ, данные регионы обладают специфическими чертами, обуславливающими вероятность открытых конфликтов. В ряду особенностей этих субрегионов можно выделить этнические, религиозные, территориальные.

Во-первых, главной предпосылкой распространения исламского радикализма в этих регионах послужило национально-территориальное устройство. Сам принцип территориально-административного размежевания по национальному признаку противоречил истории народов Центральной Азии и Северного Кавказа. Государства здесь никогда не строились по национальному признаку, причём и само это понятие было достаточно условно. Сегодня в Центральной Азии и на Северном Кавказе можно выделить около десяти территорий, на которые одновременно претендуют два титульных народа. Для Средней Азии наиболее опасной оказалась разделённость межгосударственной границей узбеков, компактно проживающих в приграничных с Узбекистаном Ленинабадской области Таджикистана и Ошской области Киргизстана, и таджиков, населяющих приграничные с Таджикистаном Самаркандскую и Бухарскую области Узбекистана. В 1990 г. в Ошской области Кыргызстана уже произошли стол-

* Значимой особенностью ислама является существование в ортодоксальном суннизме четырех равноистинных и взаимно признающих друг друга толков – мазхабов (шафииты, ханифиты, маликиты и ханбалиты). В процессе развития мусульманского правоведения (фикх-право и доктрина права) в суннизме к X в. сложилось несколько мазхабов (влиятельных религиозно-правовых школ). Ханбалиты (наиболее строгий мазхаб) признают источником права только Коран и Сунну, отвергают все логико-рационалистические истолкования догматов веры и права. Ханафиты (самый распространенный мазхаб) признают Коран, Сунну, иджму, кияс, т.е. шире других школ допускают рационалистические методы формирования норм фикх-права. Еще два мазхаба (шафииты и маликиты) занимают промежуточное положение между названными.

** Социальной базой салафитов стали те группы населения, которые в ходе произошедших в обществе трансформаций, оказались вытесненными из привычной социальной ниши, частично оторвались от традиционной культуры и стремились восполнить это обращением к первоосновам ислама.

кновения между местными узбеками и киргизами, приведшие к гибели около 320 человек. При этом первопричина конфликта (с точки зрения местных узбеков, эта территория исторически принадлежит им, а киргизы являются здесь пришлым, некоренным народом) не устранена и поныне [12].

Не менее остро последствия ошибок национально-территориального деления ощущаются и на Северном Кавказе. Разделенными межгосударственными границами оказались два северокавказских народа – осетины (проживают во входящей в состав Российской Федерации Северной Осетии и в самопровозглашенной Осетинской Республике в Грузии) и лезгины (зона компактного расселения включает южный Дагестан (Россия) и северный Азербайджан). Значительное количество северокавказских народов разделено внутренними (межреспубликанскими) границами. Живущие в основном на равнине и лишь отчасти в предгорной зоне кабардинцы, черкесы, а также адыгейцы составляют этническую общность адыгов. Эти народы очень близки между собой по языку и культуре. Живущие в горах балкарцы и карачаевцы также являются близкородственными народами и говорят на одном карачаево-балкарском языке, относящемся к тюркской языковой семье [11].

Таким образом, сложившаяся предпосылка дала возможность исламским радикалам использовать фактор национально-территориального размежевания в своих целях. Данный момент разобщил народы данных трансграничных регионов и позволил исламистам использовать противостояние между народами Северного Кавказа и Центральной Азии для активизации своей деятельности.

Во-вторых, важной предпосылкой и для Центральной Азии, и для Северного Кавказа послужило то, что политическая борьба здесь неразрывно связана с борьбой за власть между национальными, а также региональными элитами. В Центральной Азии борьба в основном идёт между региональными группами внутри титульного этноса. По сути, формирование среднеазиатских народов в единые нации так и не завершилось (единственное исключение – узбеки, хотя и у этого народа месту рождения придаётся достаточно большое значение), и все они разбиты на этнические группы. Следствием этого является сохранение у большинства коренных среднеазиатских народов узкорегionalного самосознания, т. е. выходец из конкретного региона осознаёт себя в первую очередь не представителем единой нации, а представителем своего региона. Трайбализм (в данном случае понимаемый как узкорегionalное самосознание) выступает одним из главных факторов, оказывающим дестабилизирующее воздействие на ситуацию в Центральной Азии.

Наиболее ярко эта особенность проявилась в Таджикистане, где борьба за власть между регионами переросла в гражданскую войну, унёсшую 40 тысяч человеческих жизней. Похоже, что достижение в этой республике консенсуса между противоборствующими региональными элитами невозможно в при-

нципе: каждый клан претендует на то, чтобы именно его представители стояли во главе Таджикистана.

Весьма злободневна проблема трайбализма и в Кыргызстане. Скрупулёзный подсчёт общественностью доли представителей разных регионов во властных структурах воспринимается в республике без удивления. В Кыргызстане распространена шутка: «Если раньше мы строили коммунизм, то теперь – кеминизм» (Кеминский район – родина президента Акаева) [7]. Тема «засилья северян» всерьёз обсуждается и в республиканской печати.

Достаточно актуален региональный вопрос и в Туркменистане, где по-прежнему сохраняется племенное деление на текинцев, салыров, сарыков, гокленов, чаудоров, иомутов. Потенциальная опасность регионального противостояния в Туркменистане заключается также в неравномерности распределения природных ресурсов на территории республики (главные запасы газа и нефти сосредоточены на западе республики, заселённой иомутами). Гораздо важнее то, что и в Центральной Азии, и на Северном Кавказе политическая идеология является не более чем прикрытием реальной борьбы между лидерами национальных или региональных (племенных) группировок.

Таким образом, можно сказать, что возникающие религиозно-политические движения вступают в конфликт с традициями быта, обычаями, культурой. Это и обуславливает борьбу за власть между национальными и региональными элитами в обозначенных трансграничных регионах.

В-третьих, Центральная Азия и Северный Кавказ имеют ещё одну общую специфическую характеристику – для обоих регионов характерна так называемая азиатская структура занятости. Коренное население занято в основном в сельском хозяйстве и торговле, приезжие (главным образом славяне) – в промышленности. Оба региона трудоизбыточны, причём безработица в первую очередь характерна для сельской местности, где и проживает подавляющая часть коренного населения. Именно традиционный сельский образ жизни коренного населения и предопределяет механизм возникновения конфликтов. Абсолютная и относительная перенаселённость Центральной Азии и Северного Кавказа и одновременно невозможность большей части коренных жителей участвовать в индустриальном производстве порождают социальную напряжённость. Большинство так называемых межнациональных конфликтов на Северном Кавказе и в Центральной Азии произошло из-за пригодных для земледелия территорий. В Центральной Азии гражданская война началась именно в Таджикистане – республике с наименьшим количеством орошаемой земли на одного жителя из всех среднеазиатских государств. Показательно, что другой конфликтной зоной Центральной Азии является Ферганская долина (здесь уже произошли погромы турок-месхетинцев, ошская резня, выступление фундаменталистов), где наиболее высокая плотность населения в регионе [1].

Не менее остро стоит земельный вопрос и на Северном Кавказе. Легко объяснить, почему власти двух горных республик (Северной Осетии и Ингушетии) с таким упорством спорят о территориальной принадлежности Пригородного района. Равнинный земледельческий Пригородный район был основной житницей для потерявших его ингушей и является одной из наиболее плодородных зон в приобретшей его Северной Осетии.

Сложности в экономическом, социальном и политическом развитии на постсоветском пространстве позволяют исламистам активно и целенаправленно использовать людей, не удовлетворенных своим экономическим, социальным положением, активно выражающих политический протест, создавая тем самым благодатную почву для деятельности исламских радикалистов в двух трансграничных регионах.

В-четвертых, разрозненные, и достаточно разношерстные группировки фундаменталистов объединяет одно: всех их можно назвать исламскими радикалами, они не принимают ни прежнюю коммунистическую систему, ни пришедшую ей на смену западную модель развития. Подавляющая часть салафитов считает неподобающим для мусульманина подчиняться светским властям и выступает за создание исламского (живущего по законам шариата) государства. Как правило, в фундаменталистские группы идут наиболее думающие и при этом не связанные с криминальными структурами молодые люди из традиционного, неиндустриального общества (крестьяне, торговцы). Это обстоятельство, пожалуй, особенно опасно для властей. В регионах распространения ваххабизма (Таджикистан, Узбекистан, Дагестан, Чечня) около 70 % населения живет в традиционном обществе, с практически не изменившимся за годы советской власти укладом, и то обстоятельство, что лучшие его представители выступили против складывающейся в постсоветское время системы ценностей, не может не вызывать тревогу [10, с. 300]. Как отмечает Роберт Ланда, главный секрет успеха фундаменталистов (впрочем, весьма относительного почти на всем постсоветском пространстве) – их ставка на молодежь [5, с. 264].

Таким образом, мусульманская идеология оказалась единственно возможной (действенной) идеологией для революционных движений на постсоветском пространстве. Ислам выступает как фактор, способный сплотить народ для отражения внешней агрессии.

В-пятых, росту социальной базы исламских консерваторов способствует размытость правовой базы, характерной практически для всех мусульманских регионов бывшего СССР. Например, в сегодняшнем Дагестане власть фактически поделили между собой две прослойки общества – бывшая партноменклатура и «новые дагестанцы», т. е. обладающие собственными вооружёнными отрядами криминальные авторитеты. Конфликт дагестанских ваххабитов из села Кармахи с официальной Махачкалой впервые проявился после того, как они отказались платить дань местному криминалитету. В Узбекистане же и Киргизии мафию с успехом заменяет «официальный рэкет» – коррумпирован-

ные чиновники. В такой ситуации многие из мусульман теряют веру в эффективность действий светских властей и приходят к убеждению, что справиться с правовым беспределом можно лишь в том случае, если общество будет жить по законам шариата.

В-шестых, в немалой степени успеху фундаменталистов способствовало их финансовое могущество. Многие фундаменталистские общины получают солидную денежную помощь от таких зарубежных организаций, как «Мировой фронт джихада против иудеев и крестоносцев» и партия «Братьев-мусульман». В их медресе студенты получают стипендию от 20 до 100 долларов, а новообращённый в общину получает «подъёмные» в размере нескольких сот долларов США. Для Северного Кавказа и Центральной Азии это достаточно большие деньги [13].

Центральная Азия и Северный Кавказ обладают рядом предпосылок, предрасполагающих высокую вероятность проявлений здесь исламского радикализма. Поэтому неудивительно, что как только с началом перестройки власть центра ослабла, многие из скрытых противоречий перешли в открытую стадию. Поскольку же все коренные народы этих регионов мусульмане (единственное исключение – исповедующие православие осетины), то по мере нарастания кризиса противоборствующие стороны всё чаще начали апеллировать к исламу, надеясь с помощью религии предков разрешить накопившиеся противоречия.

В годы перестройки и после распада СССР исламская проблематика в России и государствах СНГ быстро перешла в разряд «горячих» тем. Во многом это было обусловлено переменами, начавшимися в постсоветском мусульманском пространстве: исповедующие ислам народы бывшего Советского Союза начинают преодолевать почти вековую искусственную изоляцию от исламского мира, втягиваться в орбиту экономического, политического и религиозного влияния государств Ближнего и Среднего Востока. При этом они приобщаются не только к высокой культуре ислама, но и к различным, в том числе и политизированным, течениям этой религии. В полный голос заявил о себе политический ислам, а война в Чечне, обострив этнические и религиозные противоречия на Кавказе, стимулировала рост религиозного экстремизма. Все это диктует необходимость пристальнее взглянуть на эволюцию постсоветского ислама, который приобретает все более четкие очертания в общественной и политической жизни на постсоветском пространстве.

В Центральной Азии и на Северном Кавказе действовали общие факторы, «раскрутившие» на первых порах радикалов: общая для тех и других советская правовая культура, склонность к насилию, традиция права сильного, идущая еще с досоветских времен. С одной стороны, власти оказались абсолютно не готовы к разрушению железного занавеса и последовавшему за этим процессу политизации мусульман и их тесному общению с зарубежными проповедниками. Предпринятые затем попытки оградить своих граждан от влияния иност-

ранних проповедников сильно запоздали и уже не могли исправить ситуацию. Наступил момент, когда на сцену вступили политические факторы, способствовавшие радикализации группировок. Парадоксально, но исламским группам неоценимую помощь оказали светские политические лидеры, которые стали активно использовать радикалов в своих целях.

Сторонников политического ислама на Северном Кавказе называют ваххабитами – по аналогии с одноименным религиозно-политическим течением, получившим распространение в Аравии и на других территориях Арабского Востока в середине XVIII в. и названным по имени его основателя, богослова-правоведа Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба. Приверженцы последнего требовали возврата к простоте первых веков ислама, полного отказа от «новшеств», не нашедших прецедентов в правоверных преданиях, не освященных согласованным решением богословов и потому противоречащих Сунне; исключения любого культа, включая и культ пророка, святых и могил. В обыденной жизни они запрещали алкогольные напитки, музыку, танцы, современную одежду [5, с. 244].

Появившиеся на Северном Кавказе на рубеже 1980–1990-х гг. так называемые ваххабиты, т. е. пропагандисты «истинного, чистого ислама», хотя и близки по духу аравийским ваххабитам, однако скорее представляют собой местную разновидность фундаментализма. Они противостоят другим бытующим здесь формам мусульманской религии: шафиизму – одной из религиозно-правовых школ, к которой относит себя часть верующих мусульман; мюридизму – суфийскому (мистическому) течению в исламе; «народному исламу» – адаптированным к кавказским историческим реалиям мусульманским традициям и обычаям. Северокавказские сторонники «чистого ислама» выступили с призывами привести местный ислам в соответствие с нормативным пониманием этой религии. Так, они настаивают на отказе от поклонения святым местам (зияратам), от культа местных святых и шейхов, почитания стариков (поскольку это не соответствует принципу таухида – единобожия), от такого ритуального обряда тарикатов, как зикр, т. е. мистическое радение, во время которого верующие впадали в экстаз и сливались с Богом.

Предпосылки распространения ваххабизма на Северном Кавказе легко просматриваются в экономической и социальной сферах. Что касается спонсирования ваххабитских движений Северного Кавказа ближневосточными государствами, то в этом вопросе все еще очень трудно отделить мифы и пропаганду от истины. По некоторым данным, его осуществляют исламские радикальные объединения Саудовской Аравии, ОАЭ, Иордании, Пакистана. Ситуацию на Северном Кавказе напрямую связывают и с не спадающим уже много лет напряжением в Афганистане, в частности, с обосновавшимся в этой стране «спонсором международного терроризма» Осамой бен Ладеном [3; 14].

Следовательно, с одной стороны, появление ваххабизма на Северном Кавказе связано с тем, что ислам усиливает здесь роль компонента обществен-

ного сознания и образа жизни, все быстрее превращается в существенный фактор обретения национальной идентичности. Нарастающее влияние исламских стран Ближнего и Среднего Востока и распространенных там направлений ортодоксального ислама в немалой степени способствует этому. Но с другой стороны, формирование этого религиозно-политического течения связано с внутренним фактором – социально-экономической нестабильностью, безработицей, обнищанием населения, незащищенностью личности и засильем клановой системы в мусульманских северокавказских автономиях.

Поскольку принципы этого религиозно-политического движения вступают в противоречие с прочно устоявшимися на Кавказе традициями быта, обычаев и культуры, образцами светского поведения и этикета, это нередко вызывает негативную реакцию со стороны рядовых верующих. Есть и другое объяснение враждебности к этому явлению. Местный религиозный и политический истеблишмент усматривает в реформистских призывах идеологов нового течения покушение на свою власть, а потому обвиняет сторонников «чистого ислама» в подрыве устоев, экстремизме и других грехах. Тем более что иногда к этому имеется основание: под религиозными знаменами на Северном Кавказе объединяются в настоящее время не только верующие, но и радикальные политики, и те, кто бросает вызов территориальной целостности России: речь идет о таких экстремистских организациях и движениях, как «Исламская нация», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «Кавказская конфедерация». Исходным материалом для лепки экстремизма становится в условиях экономического кризиса и политической нестабильности молодежь, а также представители этнических групп и кланов, отстраненных от власти.

В ряде государств центрально-азиатского региона не удается предотвратить спорадические вспышки насилия, решить проблемы, связанные с распространением исламского радикализма. К таковым относятся события в Таджикистане в период гражданской войны (февраль 1990 – 1997 г.).

В этой самой слаборазвитой республике бывшего Советского Союза имелась благоприятная социальная база для нестабильности: массовая безработица, малоземелье, низкий уровень жизни большинства населения. Однако конфликт в Таджикистане едва ли может быть сведен к формуле: «исламизм против светского государства», хотя некоторые лидеры Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) сделали ислам идейным и духовным знаменем своей борьбы в противовес официальной коммунистической идеологии, которую исповедовали их противники. Но и те и другие опирались на родственные им кланы и население «своих» регионов. Да и большинство жителей, осуждая религиозный радикализм, стремились к тому, чтобы их республика оставалась светским государством [8].

В Узбекистане к концу 1990-х гг. сформировалось сильное оппозиционное религиозное движение, обретшее к тому же и вооруженное крыло: оно планировало свержение светского режима и введение законов шариата. Главным

объектом внимания исламистов была выбрана Ферганская долина, где в 1999 и 2000 гг. произошли вооруженные столкновения, напрямую связанные и с межклановой борьбой, и с войной в Афганистане. Ферганская долина стала средоточием активности мусульманских экстремистов не случайно: именно там самая высокая плотность населения, самый высокий его прирост и самая высокая безработица. Но конфликт там вызван не только задачами «освобождения территорий ислама от неверных». Талибы были заинтересованы в сохранении и расширении контроля над «северным маршрутом» транспортировки афганского героина в Россию и Западную Европу.

Есть и другие причины возникшей в Узбекистане конфликтной ситуации, связанные со спецификой экономического и политического развития страны. В начале 1990-х гг. узбекские власти поощряли развитие исламской культурной традиции: открывались новые мечети, в Намангане и Андижане фактически всем руководила религиозная община, мусульманская молодежь имела возможность получать религиозное образование в исламских центрах арабских стран, Пакистана, Ирана. Однако ислам в Узбекистане стал быстро политизироваться, но не столько под воздействием агитации мусульманских пропагандистов, сколько вследствие неспособности светской власти обеспечить сносное и безопасное проживание ее гражданам. Гражданская война в Таджикистане, попытка в Узбекистане сформировать религиозную оппозицию, студенческие выступления в январе 1992 г. напугали власти, которые начали гонения активистов запрещенных партий и движений, отнесенных к разряду религиозно-экстремистских, – Исламской партии возрождения, «Адолат» («Справедливость»), «Товба». Заодно репрессиям подверглись и вполне светские политические объединения – «Эрк», «Бирлык» и другие, лидеры и активисты которых попали в «черные списки», а затем очутились либо в тюрьмах, либо в эмиграции [6, с. 28–35].

Таким образом, в Узбекистане, так же, как это произошло ранее в Таджикистане, реализовался одинаковый сценарий: светские оппозиционные движения, стоявшие на умеренной политической платформе или же занимавшиеся культурно-просветительской деятельностью, были запрещены и разгромлены. Репрессии властей вынудили оставшихся на свободе (и в живых) оппозиционеров либо покинуть свои страны, либо уйти в подполье, либо прикнуть к антиправительственным силам.

На политическую арену вышли экстремистские организации (наподобие Исламского движения Узбекистана) – апологеты насилия, связанные с такими структурами, которые способны были оказать помощь в приобретении оружия, организации лагерей подготовки боевиков и пр.

Борьба узбекских властей с исламистами в итоге не привела к их уничтожению, но породила новые проблемы. К тому же существование талибского режима в непосредственной близости от границ этого центрально-азиатского государства служит питательной почвой для местных исламистов, борь-

ба с которыми имеет долгосрочные перспективы. Поэтому-то Узбекистан и Таджикистан пытаются максимально использовать свое прямое участие в нынешней антитеррористической акции в Афганистане: они надеются с помощью американцев разгромить одним махом исламское оппозиционное движение и его зарубежных спонсоров. За это узбекскому и таджикскому режимам придется, возможно, расплачиваться внутривластными осложнениями. Ведь в руках оппозиции, выступающей в этих странах под исламскими знаменами, окажется мощный козырь, тем более что и нерешенные социальные проблемы, материальные трудности, связанные с углубляющимся дисбалансом экономики, а также демографический рост и массовая безработица создают питательную базу для экстремизма, пополняют ряды сочувствующих повстанцам. Осенью 1998 г. в Наманганской области произошли волнения, напрямую не связанные с религиозным фактором: протест населения вызвало резкое падение жизненного уровня, и основные требования касались снижения цен и повышения заработной платы. Однако во главе социального движения выступили исламисты, что свидетельствовало о том, что их шансы стать выразителями протестных настроений в условиях отсутствия профсоюзного движения и светской оппозиции оказались весьма велики.

Практически во всех мусульманских республиках (как в самой России, так и в новых независимых государствах ближнего зарубежья) у власти осталась бывшая партноменклатура, лишь слегка изменившая стиль управления, сформировавшийся ещё в советское время. Нельзя не отметить некоторого сходства коммунистической и исламской идеологий. Обе системы не признают классический для западной системы принцип разделения властей. Во главе классического исламского государства стоит халиф, во главе коммунистического – генсек, т. е. светская и духовная (политическая) власть сочетаются в одном лице. Достаточно жесткую, но в то же время точную характеристику ислама даёт исследователь Дмитрий Трофимов, по мнению которого в исламе существует «практика двойного стандарта, ярко выраженный общинный, антиличностный подход, навязываемый контроль и самоконтроль над нравственностью, очевидное предпочтение формы над содержанием, возможность обращения к любым средствам во имя достижения поставленных целей, беспрецедентно высокий мобилизующий потенциал» [12]. Ислам – единственная религия, которая предлагает собственное законодательство для регулирования отношений в обществе – шариат.

По-видимому, именно исламская идея оказалась единственно возможной (действенной) идеологией для революционных движений в мусульманских республиках на постсоветском пространстве. Любое же оппозиционное движение под чисто демократическими или национальными лозунгами было обречено на провал.

Отметим также, что исламская идеология органично переплетается с националистической. Не только чеченские сепаратисты, но и таджикская оппозиция отстаивали национальную самобытность, противостояли русской культурной

«экспансии». Среди руководства таджикской оппозиции было немало людей (например, председатель Партии Исламского Возрождения Таджикистана Саид Абдулло Нури, председатель Исламской партии возрождения Таджикистана Мухаммадшариф Химатзода), которые практически не говорили по-русски (явление, чрезвычайно редкое для современного Таджикистана), но зато владели арабским языком. Идея «реальной независимости» Таджикистана занимала важное место в идеологии таджикской оппозиции, своих же противников они обвиняли в том, что они настолько ассимилировались под влиянием русской, «советской» культуры, что по сути уже перестали быть собственно таджиками.

Исламская идеология, с её отличной от пришедшей ей на смену советской системой ценностей, служила великолепным барьером, предотвращающим культурную экспансию с Севера. Интересно, что подобные тенденции были характерны и для мусульманских регионов дальнего зарубежья. Так, исламская революция в Иране была реакцией традиционного общества на попытки шаха кардинально модернизировать страну, сделать её ещё одним государством Южной Европы.

Чрезвычайно велико значение ислама как фактора, способного сплотить народ для отражения внешней агрессии. Наиболее ярко эта особенность религии проявилась после ввода российских войск в Чечню. Исламистская доктрина оказалась наиболее приемлемой идеологией для того, чтобы сплотить чеченцев в единую, противостоящую российским войскам силу. Формирование в Чечне исламского государства началось после ввода российских войск в Чечню. В это время в Чечне стала активно использоваться исламская атрибутика, а на контролируемой силами движения сопротивления территории начали функционировать суды шариата.

Исламистская идеология может оказаться наиболее удобной доктриной и для консолидации определённой этнической группы в трайбалистском противостоянии внутри одного народа. Во время гражданской войны в Таджикистане исламистская идеология была использована одной из противоборствующих сторон – горными таджиками, выходцами из долины Каратегина. При этом и в Таджикистане, и в Чечне опорой исламистского движения являлись приверженцы суфийского направления ислама.

Привлекательность фундаментализма именно для нового поколения традиционного общества особенно опасна для властей. В регионах распространения ваххабизма (Таджикистан, Узбекистан, Дагестан, Чечня) более 50% населения живёт в сельской местности, и то обстоятельство, что новое поколение выступает против новой системы ценностей, позволяет предположить, что с каждым годом фундаменталисты будут становиться всё более грозной силой. Интеграционный потенциал фундаментализма, его стремление не замыкаться по «национальным квартирам», а оказывать мусульманам деятельную помощь, в какой бы точке мира они ни жили, также является одной из главных при-

влекательных черт этого учения для исламских радикалов из разных регионов СНГ, многие из которых ещё совсем недавно не были приверженцами этого течения.

Разрозненные и достаточно разношерстные группировки фундаменталистов объединяет, пожалуй, одно: они не принимают как прежнюю коммунистическую систему, так и пришедшую ей на смену западную модель развития. В такие группы идут наиболее думающие, и при этом не связанные с криминальными структурами молодые люди из традиционного, неиндустриального общества (крестьяне, торговцы).

На наш взгляд, в ближайшие годы влияние ислама на политическую ситуацию в мусульманских регионах бывшего СССР не только не уменьшится, но и возрастет, поскольку именно исламистская доктрина оказалась здесь наиболее приемлемой идеологией оппозиции нынешним властям. Как уже говорилось, исламистская идеология используется движениями самых разных (подчас даже противоположных) ориентаций. Ислам используется как в региональной (межплеменной) борьбе, так и в деятельности националистических организаций, опирающихся на религию как средство, позволяющее сохранить национальную самобытность от губительного воздействия чужой культуры.

Библиографические ссылки

1. *Абашин С.Н.* Потомки святых в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане // Транскаспийский проект. 2001. 10 янв.
2. *Игнатенко А.* Халифы без халифата. М.: Наука, 1988.
3. Исламский радикализм как побочный эффект «холодной войны» // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (13).
4. *Клочков А.* Ваххабитский полумесяц // Коммерсантъ-власть. 1999. № 33. 24 авг.
5. *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
6. *Молдалиев О.А.* Исламизм и международный терроризм: угроза ислама или угроза исламу? Бишкек: б.и., 2004.
7. *Ротарь И.* Аресты «ваххабитов» в Киргизии // Независимая газета. 1998. 4 июля.
8. *Ротарь И.* Под зеленым знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. М.: Ассоциация исследователей российского общества XX века; «Независимая газета», АИРО-XX, 2001.
9. *Садур В.* Исламский фактор // Диа-Логос. Религия и общество 1997. М.: Истина и жизнь, 1997.
10. *Стецевич М.С.* Мифы о «тоталитарных сектах» и «ваххабитах» в современной России // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре: Сб. в честь 90-летия проф. М.И. Шахновича. Сер. Мыслители. СПб.: СПб. философ. об-во, 2001. Вып. №8.
11. *Суханов В.Ю.* Этническое и национальное в кавказском конфликте: пришествие «Чужого» // Звезда. СПб., 2001.
12. *Табышалиева А.* Взгляд на религиозную ситуацию в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 5.